

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21 – 23 июня 2012

Создание надежного будущего

**ЗЕЛЕНАЯ ПОВЕСТКА РОССИИ: ЭКОЛОГИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ**

Круглый стол

23 июня 2012 — 10:00 – 11:15, Кафе PEPSICO

Санкт-Петербург, Россия

2012

При поддержке Deloitte

Модератор:

Александр Любимов, Генеральный директор, РБК-ТВ

Выступающие:

Василий Белов, Исполнительный директор кластера энергоэффективных технологий, Фонд «Сколково»

Сергей Донской, Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Всеволод Гаврилов, Глава дирекции по управлению проектами в области энергосбережения и природопользования, Сбербанк России

Елена Лазько, Партнер, Руководитель нефтегазовой практики, Deloitte CIS

Алексей Полещук, Генеральный директор, ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России

А. Любимов:

Организаторы Форума сделали все возможное для того, чтобы они встретились: и день, и время, и символ печального юбилея войны — в общем, всё против нас. Тем не менее, нас много, и я надеюсь, что наша дискуссия будет любопытной, интересной. Я вас прошу оставить вопросы на конец дискуссии, потому что не хочется портить ваш день и удлинять нашу встречу на паузы по регламенту, поэтому вопросы мы будем задавать в конце всем выступающим.

Я предоставляю слово Александру Малышевскому, председателю общественного совета при Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, который задаст тон нашей дискуссии.

А. Малышевский:

Спасибо. Я благодарен учредителям за то, что у меня есть возможность поучаствовать в этой дискуссии, и благодарю всех собравшихся.

Проблема очень значимая: если рассматривать экологию для устойчивого развития, то проблема эта всеобъемлюща. Можно говорить о личностных началах, потому что мы живем в определенной среде, можно говорить о сырьевой базе, потому что без этого невозможно развивать экономику, и так далее, и тому подобное. Но поскольку на Петербургском форуме немножко уточнились понятия, и мы стали говорить сегодня о новой индустриализации, заменив некое «философское расплывчатое», касающееся отдельных модернизационных моментов (и это очень важно с точки зрения экономики и чистоты понимания).

Второе важное событие Форума — это уточнение экономической модели Президентом Российской Федерации. Следовательно, от экономики спроса мы должны перейти к экономике предложения. Тогда меняются стимулирующие показатели, потому что если мы стимулировали потребление, то сегодня мы должны стимулировать инновационный потенциал. Сегодняшняя дискуссия

приобретает экономический характер: экология в контексте экономики — это, наверное, самое значимое из того, что мы должны рассмотреть.

Есть ли у нас для этого соответствующие основания? Бесспорно, потому что Россия уже структурно встроена в международный экономический процесс, и экологическая составляющая в экономике, обязательно отражается на состоянии тех или иных компаний. Могу привести два примера. Первый: публикация в прессе информации о проверке «Якутугля» Росприроднадзором обвалила акции на 6%, и, следовательно, рассмотреть экологическую составляющую применительно даже к контрольно-надзорной деятельности, нельзя, не учитывая ее применительно к экономике. Это важный момент, потому что при вхождении во все международные структуры эта позиция будет приобретать все большее значение. И второй пример, о котором я хотел бы здесь сказать. Казалось бы, в России существует 15 рейтинговых агентств, которые, не имея исходной методологии, как-то оценивают экологическую составляющую. Так вот, публикация одной из структур, связанных с экологическими рейтингами, соответствующих сведений о Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, оказавшемся на сотом месте, привела к тому, что акционеры из Германии, страны, где экология играет в политическом процессе значимую роль, стали уходить с этого объекта. Следовательно, экология — важнейший момент.

Чего у нас для этого не хватает? Ведь мало провозгласить новую парадигму, но очень важно разобраться: а есть ли у нас внутри страны предпосылки решения этой задачи? Практически ничего этого нет, потому что, если мы рассмотрим сегодняшнее состояние экономики, то она очень далека от провозглашаемых позиций в области экологической составляющей. Был единственный пример — президент еще в ранге премьера создал прецедент в области контрольно-надзорной деятельности.

Существует известное предприятие, которое имеет давнюю экологическую историю, «Норильский никель». По результатам контрольно-надзорной деятельности, данное предприятие не может существовать вследствие своего

загрязняющего потенциала, но ведь оно имеет очень большую историю, которую нельзя просто так зачеркнуть любым экологическим рейтингом. И премьер пошел на то, чтобы Росприроднадзор заключил соответствующее соглашение с этим предприятием и ежеквартально оценивал модернизационные моменты, связанные с изменением экологии и вообще выбросов. Это важный момент: у нас впервые появились некие экономические стимулы. Ведь это связано с заключениями мировых соглашений, и мы понимаем, куда непосредственно идут средства, которые платятся за негативные воздействия. Появилась возможность заключения соответствующих соглашений и создания действительно социального воздействия и привлечения институтов гражданского общества к процессу совершенствования и модернизации «Норильского никеля». За этим вроде бы должны последовать некие экономические действия, и было даже письмо Правительства Российской Федерации о том, что хорошо бы со всеми компаниями, которые так или иначе связаны с металлургической промышленностью в России, заключить аналогичные соглашения. И гражданское общество, и правительство должны ежеквартально информироваться о том, что делается в этой сфере. Это важный момент, потому что к 2015 году штрафы возрастут в десятки раз. А если еще учесть накопленный экологический ущерб, то суммы вообще возрастают по отдельным предприятиям с 10 миллиардов до 60. Что бы вы думали? Ни одно предприятие не пошло на это. Напротив, все предприятия соответствующего профиля объединились и категорически выступили против этой идеи. Что же тогда?

Прежде всего, я вижу противоречие, которое завязано на правовую основу. У нас абсолютно неверное методологическое основание, связанное с отраслевым экологическим законодательством. Оно ни в коей мере не вытекает из последующего развития экономики и соответствующих стимулов. Наше отраслевое законодательство возведено в ранг администрирования. Мы каждый раз должны найти нарушение и наказать за него. Такое

компенсаторное законодательство ни к чему хорошему нас не приведет. Если уж мы провозглашаем определенные новации, то должны стимулировать инновации в области экономики, связанные непосредственно с экологией. Это и есть та мера оценки, которая показывает, в каком направлении развивается наша экономика. А компенсаторное право — это практически путь в никуда.

Когда мы рассмотрели правоприменение в области отраслевого законодательства, то выяснилось, что оно практически осуществляется лишь на 10%. Зачем же нам такое количество всевозможных структур, которые толком не функционируют? Должно последовать изменение методологических оснований в области правоприменения. Экология и правоприменение должны носить экономический характер.

Но тогда должны возникать совершенно другие основания. Прежде всего, мы должны говорить об экологических рисках, а наше законодательство сегодня построено таким образом, что мы проводим экологическую экспертизу, где проверяем всего лишь соответствие законодательной базе собранного пакета документов. Какое это имеет отношение к тому, что происходит сегодня в стране?

Вторая очень важная модель — это экологическое страхование. Не государство должно участвовать в разрешении тех или иных споров, а хозяйствующие субъекты должны включаться в спор. И если государство оценивало бы экологические риски, привлекая к этому интеллектуальный потенциал страны, в частности, экологов и гражданское общество, а хозяйствующие субъекты включались бы в систему экологического страхования, тогда появлялся бы третий экономический момент. Это экологический аудит, в котором все действительно были бы заинтересованы.

Ни одна из этих позиций у нас не работает, потому что мы по-прежнему продолжаем оценивать совершенно не те позиции. Я хочу сказать, что правильно провозглашенная новая экономическая или эколого-экономическая политика должна подтверждаться комплексным решением проблем. Если мы

не поймем этого, мы никогда не решим проблему накопленного экологического ущерба.

Сегодня важная проблема, связанная с экологической безопасностью, — это ТБО (твердые бытовые отходы) и промышленные отходы. Мы стоим на грани экологической катастрофы. Когда же мы пытаемся найти те или иные экономические основания, выясняется, что их нет, потому что даже процессы переработки не имеют никакой экономики при современном раскладе и тех или иных тарифах.

Я хочу привести последний пример: в Москве австрийцами открывается перерабатывающий комплекс, который московское правительство успешно закрывает, несмотря на то, что в этом проекте были задействованы международные инвестиции. Когда мы начинаем разбираться, почему так получилось, выясняется: пускай этим занимается Московская область за счет открытия новых полигонов. Зачем же этим будет заниматься Москва? Вот та у нас все получается.

А. Любимов:

Большое спасибо за такое острое начало. Я раньше думал, что в кино и на телевидении проблемы, а оказывается, что я был не совсем прав.

Я предоставляю слово Евгению Шварцу, руководителю замечательной организации «Всемирный фонд дикой природы». Надеюсь, он со стороны общественности еще больше обострит нашу дискуссию.

Е. Шварц:

Спасибо большое, Александр.

Если можно, покажите первый слайд. Дело в том, что одна из главных проблем, как говорил классик, — это разруха. Она не в подъездах и не в клозетах, она в головах. Несколько дней назад президент России, выступая на саммите «Двадцатки» сказал, что плохо, когда экологию используют в качестве инструмента протекционистской политики. Мне кажется, что за этим

утверждением стоит глубокое непонимание того, что экология — это конкуренция за потребителя. И что любые протекционистские меры, будь то закон Лэйси, будь то меры Евросоюза, связанные с предотвращением завоза ворованного, нелегального леса или древесины, низкоэффективных двигателей самолетов — это отражение желаний тех компаний, которые идут в мейнстриме конкуренции. Как только появляются некие экологические жулики, то есть те, кто пытается получить конкурентное преимущество за счет более низких вложений и низкой среды, компании, конкурирующие за экопотребителя, начинают требовать, чтобы их интересы защитили. И в результате, не понимая этого, мы теряем то, что нам необходимо для экономического развития.

Здесь надо мной таблица, которую я обновил сегодня утром. Это участие российских финансовых институтов в добровольных экологических механизмах ответственности. Кстати, нужно отметить, что в поручениях президента Медведева в 2010—2011 годах минимум трижды подчеркивался приоритет именно таких механизмов, поскольку мы очень четко слышим критику. Вот я слышу критику Всеволода Валериановича и его руководителя Германа Грефа: мол, экология за счет высокой коррупционности госрегулирования — это дополнительный административный барьер. Хорошо, — подумали мы, и как члены рабочей группы государственного совета предложили: давайте не коррупционные, давайте добровольные механизмы. Но только почему-то страна к ним не стремится. А что это такое? Когда сегодня я впервые за полгода правил эту таблицу, то увидел, что больше всего изменился показатель количества финансовых институтов, присоединившихся к United Nations Principles for Responsible Investment (UNPRI). Это конкуренция за наиболее дешевые, за наиболее длинные деньги, то есть деньги частных пенсионных фондов. А в нашей стране почти нет желающих побороться за такое финансирование. Вы знаете, куда это идет? Посмотрите, кто рядом с нами — это Бразилия, Китай, даже Индонезия. Просто для того, чтобы подбавить эмоциональности, расскажу историю.

Долгое время в UNPRI работала девушка российского происхождения, дочь одного нашего известного ученого. Я никак не мог понять, почему мы ее никак не можем затащить к нам, чтобы она наших инвесторов просветила. Она говорит, что у нее столько работы в Бразилии и в Индонезии... Вот кто конкурирует за эти удачные деньги.

Почему к нам так относятся и возводят против нас те или иные якобы протекционистские барьеры. Если Китай, понимая, что ему исправлять репутацию иным путем нельзя, за семь лет сделал рывок с 18 места на первое, то, скажу вам по секрету, мы тоже чуть поднялись: за прошлый год мы дошли до 18 места. Но Бразилия, Индия, ЮАР уже обошли нас просто потому, что они конкурируют за конечного потребителя.

Например, конференция в Рио была посвящена зеленой экономике. Да, мы понимаем, что у нашей страны должна быть другая национальная модель зеленой экономики. И соответственно, если зеленая экономика для Южной Кореи и Франции — это стремление потреблять меньше российской нефти и газа, то у нас, наверное, должен быть другой подход. Наверное, наша модель — это следование наиболее жестким экологическим стандартам. Вы можете спросить, почему я указываю именно 2006 год? А потому что в 2007 году был пик, а в 2008 был обвал. В 2011 году мы еще не достигли показателя 2007 года, поэтому я не стал править цифры. Так вот, те наши удачи — увеличение экспорта почти в полтора раза — это мы поднялись с 2% до 3% объема мирового рынка. А Китай, где в эти годы были запрещены промышленные рубки, на переработке нашего леса, соответственно, заработал примерно 5 рублей на каждый рубль увеличения нашего экспорта. Что будет с нашей лесной промышленностью, когда подрастут посаженные в эти 10 лет в Китае собственные леса, это отдельный вопрос. Главное то, что Китай успешен не потому, что там низкие экологические стандарты, а потому, что они получают доходы за счет глубокой переработки.

Если мы хотим выходить на внешние рынки, мы должны снимать нетарифные барьеры для нашей продукции и демонстрировать ее экологическую

ответственность. Соответственно, вне зависимости от того, поддерживает государство развитие механизмов повышенной экологической ответственности или занимается экологическим демпингом, рынок диктует свое, и никуда мы от этого не денемся, если не захотим скатиться на уровень Северной Кореи. До сих пор у нас не сняты противоречия в законодательстве между добровольной сертификацией и требованиями добровольной лесной сертификации, которая не завязана ни на одного коррумпированного чиновника. Несмотря на это, в России каждый четвертый гектар лесов, взятых в долгосрочную аренду, уже используется (что подтверждает независимая третья сторона или аудитор) в соответствии с наиболее жесткими экологическими стандартами. Вы понимаете, это происходит не потому, что у нас такие глубоко ответственные лесопромышленники — хотя такие тоже есть, мы их очень любим и с ними дружим и работаем. Это происходит в первую очередь потому, что так диктует рынок. И если мы не хотим превратиться в источник ресурсов за полцены для внутреннего потребления Китая, альтернативы у нас нет. Если мы хотим конкурировать за высокую цену в Китае, то проще сразу конкурировать за потребителя в Японии, Корее, США, и так далее.

Я не буду больше занимать ваше время. У меня есть еще минута? Наверное, нужно спросить о том, что мешает нам лучше развиваться? Первое — это нечестная конкуренция между государственными и частными компаниями. Позавчера было провозглашено, что «Роснефть» будет строить (наверное, по хорошим стандартам) новый завод в Московской области. Но именно «Роснефть» умудрилась «грохнуть» возможность, чтобы в Москве был чистый воздух. Именно из-за «Роснефти», несмотря на то, что все остальные ее конкуренты начали производить бензин стандартов Евро-4 и Евро-5 и были готовы с 1 января 2011 года перейти на более высокий стандарт, вследствие лоббизма госкомпании, в Москве было запрещено идти вперед. Нужно отметить, что мы никуда не сдвинемся в модернизации, если не будем позволять субъектам федерации, так же, как в США, в Калифорнии, там, где

население более обеспеченное и более экологически ответственное, раньше других вводить более жесткие экологические стандарты. Почему «ТНК-ВР» и «ЛУКойл» потратили сотни миллионов долларов и не получили экономического преимущества за то, что они сделали. Можно подумать, что «Роснефть» считает, что на нее это не будет влиять, как влияет на производителя лесной продукции. Но влияние будет, и будет оно весьма ощутимым. Единственной компанией, у которой за последние два года больше, чем на 10% снизилась доля утилизации попутного газа, то есть одного из главных источников изменения климата, оказалась «Роснефть», которой предоставлены специальные условия конкуренции. Все остальные компании должны инвестировать в модернизацию и придерживаться установленного президентом и правительством показателя 95%, а «Роснефть» упала до 53%.

Пока мы не поймем, что экология — это чистая экономическая конкуренция, которая ориентирована на конечного потребителя, к сожалению, мы будем создавать для себя все больше проблем.

При этом мы должны понимать, что у нас должны быть такие же механизмы модернизации, как во всем мире. При всем уважении и сочувствии к Алексею Леонидовичу Кудрину, нужно отметить, что одно дело управлять бюджетом страны при стоимости нефти 12—20 долларов США за баррель, другое — когда больше 90 долларов. Без введения системы «прокрашенных» платежей — когда платежи за загрязнение не растворяются, не идут на пополнение бюджета, а попадают напрямую в больницы, где будут лечиться те, кто болеет от загрязнения окружающей среды, — без финансового инструмента инвестирования в модернизацию производства, мы, к сожалению, никуда не сдвинемся. И все-таки мы рассчитываем, что от разговоров о модернизации и от идеологии кризисного менеджмента мы все-таки перейдем к стратегическому развитию. Спасибо.

А. Любимов:

Большое спасибо. По поводу порядка в головах — был у меня один случай... Я очень хотел купить себе «Бентли». Стою я как-то на Рублевке в пробке, а передо мной «Бентли». И когда я увидел, что человек выбрасывает пустую бутылку из окна, я расхотел покупать себе такой автомобиль.

Следующий докладчик Василий Белов представляет «Энергетический центр бизнес-школы «Сколково». Прошу Вас.

В. Белов:

Добрый день, уважаемые коллеги. В рамках своего доклада я большее внимание уделю аспектам энергетики в парадигме зеленого роста.

Мне очень понравился вопрос, который был задан в начале нашей дискуссии: собственно, а есть ли основания для построения новой парадигмы? И пока шло обсуждение, я наметил четыре блока основных вопросов, ответив на которые, мне кажется, мы с вами сможем сформировать ответ и на большой вопрос.

Естественно, основой и первым необходимым шагом является регулирование и наличие необходимых стандартов. Об этом уже говорилось, и я не буду останавливаться на том, чем непосредственно занимаются присутствующие здесь люди. Второй вопрос, очень важный: существуют ли доступные технические решения, в полном объеме готовые к внедрению, достаточно надежные, а главное — решающие поставленные задачи? Это особенно актуально для энергетики. Технические решения с необходимым уровнем надежности сегодня должны быть сделаны не в ручном режиме маленькой станции, а должны формировать необходимый объем либо продукции, либо тех же энергоресурсов в рамках новой зеленой парадигмы. Третий аспект — это экономика. Причем здесь важна не только экономика тех самых технических решений и технической базы, о которой мы говорили до этого, но и наличие соответствующих экономических стимулов. Применительно к энергетике это тарифы. Например, в Германии на сегодня действует специальный зеленый тариф для потребителей. Речь не идет о том, что на

оптовом рынке действуют субсидии со стороны государства. Не только то, что те, кто производит зеленую энергию, могут сбывать ее в сеть по более высокой цене. Нет, Германия пошла даже дальше: у них есть зеленый тариф для потребителя. Человек получает возможность установить для себя норму «зеленого» тарифа — оплатить, к примеру, 20% потребляемой им электроэнергии по повышенной ставке, которая покрывает более высокие затраты на ее производство из возобновляемых источников. По последним оценкам, сегодня в Германии до 25% потребителей формируют часть своего платежа по этому специальному тарифу.

Перейдем к четвертой составляющей, которая уже была затронута в докладах предыдущих выступающих. Это социальный аспект, это социальная среда. Собственно говоря, почему эти 25% добровольно выбирают более высокий тариф, платят больше? Зачем им это надо, для чего они это делают? Немаловажную роль в этом играет и государственная политика, и соответствующая реклама зеленого образа жизни. Причем очевидно, что это длинная история, и имеет смысл начинать в нее вкладывать прямо сейчас.

Был проведен интересный социологический опрос. Казалось бы, для российской молодежи аспекты экологии должны быть не так востребованы и не так интересны. Но по этим опросам оказалось, что энергоэффективность для молодежи гораздо важнее, чем для более взрослого поколения. И это ассоциируется с такими вещами, как использование айпадов, скачивание приложений онлайн. Эти люди готовы за это платить больше, потому что для них это, извините за жаргон, просто «прикольно». Если мы сумеем на уровне государства сделать так, чтобы зеленая парадигма была «прикольной», у нас гораздо большая часть населения в будущем будет готова платить по зеленым тарифам и заправляться на заправках более высококачественным топливом. Тем самым к регуляторному давлению сверху, и к соответствующей государственной политике, добавится потребность в таких внедрениях снизу.

В заключении я чуть более подробно остановлюсь на разделе технических решений в применении к энергетике. Пять — семь лет назад все ожидали

бума, взрывного роста в области возобновляемых источников энергии. Были прогнозы, как будет снижаться инвестиционная стоимость за установленный киловатт энергии и как в ближайшее время вода, ветер и солнце начнут в значительной степени вытеснять углеродную энергетику. Прошло время. Действительно, их доля значительно выросла. Сегодня, помимо традиционной гидроэнергетики, в мировом масштабе есть две заметные темы: это ветер и солнце. Солнечная энергетика в последние годы развивалась очень быстрыми темпами, и мы видели определенный прирост по эффективности солнечных батарей. Но в абсолютных масштабах пока это составляет около четверти мощности существующего ветряного парка. При этом мы считаем, что солнечная энергетика чистая, что она «зеленая». Но нельзя забывать о том, что производство солнечной батарейки — исключительно энергоемкий процесс. И с учетом тех природных условий, в которых они ставятся, в среднем первые три года вся вырабатываемая на солнечной батарее энергия идет в замещение той традиционной углеводородной энергии, потраченной на то, чтобы ее произвести. Три года энергию мы с вами тратим, получая ее из традиционных источников, а потом три года мы просто возвращаем ее обратно. И таких примеров много. Это не критика, я просто хочу показать, насколько неоднозначны многие тренды в этом направлении, насколько важно анализировать вопрос в комплексе. Мы строим прогнозы роста цен на углеродные ресурсы, на нефть, на газ (до появления сланцевого газа, казалось, были точные прогнозы). Сейчас энергоресурсы подорожают, солнечная энергия будет продолжать снижение удельной стоимости, и наступит время сланцев. На самом деле из-за высоких удельных энергозатрат на производство получается, что даже при технологическом развитии, если будет расти цена на нефть, стоимость батарей тоже будет расти, потому что на их производство тоже тратится определенное количество энергии в нефтяном эквиваленте. С учетом заменяемости энергоресурсов, неважно, растет ли сегодня цена на нефть или на газ: в среднем на рынке есть определенный баланс.

Что может работать в России сегодня, и когда в России появится достаточный экономический стимул для внедрения зеленой энергетики? По разным прогнозам, это наступит не так не скоро, где-то между 2015 и 2020 годами. По большинству технологий, которые сейчас массово внедряются, произойдет перенасыщение по такому показателю как совокупная стоимость владения активами традиционной и возобновляемой энергетики. Это произойдет за счет повышения эффективности новых технологий прироста и роста стоимости на первичные углеводородные энергоресурсы. В общем, ждать осталось не так долго.

А сегодня, по нашим расчетам, уже есть несколько направлений, которые экономически крайне привлекательны. Ни для кого не секрет, что у нас в практически единственной стране в мире только в муниципальной региональной собственности находятся более 4 000 котельных, которые работают на мазуте. И первый ответ, который мы получаем от региональных и, в первую очередь, муниципальных администраций: «Такие котельные расположены в труднодоступных удаленных районах, и туда невозможно завезти ничего другого». На самом деле, в двух случаях из трех это не так. Нет такой проблемы, нет сложности эксплуатации. Более того, там есть объекты по 20 гигакалорий, которые не отапливают один маленький объект. По крайней мере, половину из них совершенно точно можно легко перевести на экологичные древесные виды топлива — отходы древесины или даже просто древесину. Расходы по переоснащению этих котельных окупятся уже через два-три года.

Большой блок вопросов связан с переработкой твердых бытовых отходов. У нас до сих пор они не расцениваются как источник энергии. Мы здесь видим первые шаги, но проблема эта комплексная. Мы платим сегодня не за утилизацию мусора, а за вывоз. Вот до тех пор, пока мы будем за вывоз платить, когда неважно, вывоз это или утилизация, он не будет рассматриваться у нас как источник энергии.

Что касается тем, перспективных для нас — страны с большой территорией, то в рамках «Сколково» мы сейчас выделяем темы, связанные с биоэнергетикой. Это и технологии по переработке древесины и отходов, с этим связанных, и специальные культуры. Есть достаточно интересные проекты, и я думаю, что для наших территорий это может быть очень хорошее решение. Спасибо.

А. Любимов:

Василий большое спасибо.

Нашу дискуссию продолжает Всеволод Гаврилов, самый зеленый банк России, «Сбербанк».

В. Гаврилов:

Спасибо, Александр. Я уже говорил, что деньги любят тишину, а большие деньги — гробовое молчание. Поэтому я в своем выступлении буду более консервативным и попробую продолжить ту модель дискуссии, которую задали наши докладчики.

Уважаемые коллеги, индустриализация и реиндустриализация — это фактор конкурентоспособности страны, это качество продукции, это позиционирование нашей державы в глобальном мире.

«Зеленое развитие» — тема нашего нынешнего круглого стола. Есть ли у нас перспективы, и где мы можем стать лидерами? Я попробую коснуться двух измерений этого вопроса: два пространства — два измерения.

Конечно, нам надо модернизировать действующие предприятия, то есть, произвести реиндустриализацию с использованием современных технологий.

Что мы видим? Евгений пытается втянуть меня в активную дискуссию, но я все равно буду вести ее в более профессиональном, спокойном тоне. Можно очищать выбросы, сбросы у действующих предприятий, но давайте посмотрим, как финансисты к этому относятся. Это огромные дополнительные затраты. Конечно, надо быть законопослушными, надо соблюдать требования,

но это большие деньги. Если же ты переходишь на новые технологии, негативный эффект воздействия на окружающую среду которых сам по себе небольшой, то тебе не нужны такие дорогие сооружения. Получается эффект двойного выигрыша — такая седловая точка, фиксирующая ту стоимость технологий, при которой они не оказывают существенного негативного воздействия. Александр в своем вступительном слове правильно сказал, что нужно сформулировать такую экологическую политику, которая стимулировала бы наши уважаемые компании на поиск именно этих седловых точек. Можно до бесконечности очищать выбросы, сбросы, образующиеся в конце процесса, а можно менять сам процесс. Глядя на корпоративный портфель наших клиентов, зная, что происходит в других финансовых организациях, мы видим, что такие организационные процессы уже активно идут. Внутри компаний возникает дополнительный финансовый поток — так называемый performance effect, эффект сбережения, эффект экономии. Этот поток может быть капитализирован.

Таких проектов много, их сотни. Достаточно ли их для нашей экономики, нашей промышленности? Нет, недостаточно. Здесь должны быть найдены комплексные решения, когда одновременно сочетаются факторы технологической доступности, о чем сказал Василий, финансовой комфортности, о чем говорят финансовые организации, конкурентоспособности, о чем было сказано в самом начале. Тогда мы, по крайней мере, сможем ожидать повышения нашего места в мире.

Есть и второе измерение, о котором много говорят. Это бытовая, муниципальная экология, экология на расстоянии вытянутой руки. Это чистая вода в кране, это управление отходами, это зеленая лужайка, это, в конечном счете, экологическое поведение. Интересная ситуация сложилась в этом отношении. Готовясь к этому круглому столу, я посмотрел некоторые материалы, и картинка получилась очень пестрая. Есть много позитивных примеров: современные сельскохозяйственные комплексы уже почти все строятся таким образом, что отходы животноводства как минимум отапливают

котельную. Других новых проектов я и не видел — это уже стало нормой. Сейчас многие муниципалитеты стали обсуждать, а не дополнять ли традиционное топливо на 5-10% брикетированными отходами, практически без изменения технологий.

Вместе с тем я согласен с докладчиками, что у нас много и других примеров. О чем это говорит? Давайте попробуем двигаться в существующей регуляторной среде. Давайте не будем ругать, давайте что-нибудь сделаем сами. И выясняется, что в тех случаях, когда муниципалитеты, местные органы власти при поддержке региона действительно настроены на развитие малого и среднего технологического бизнеса возникают удачные практики: все работает, все сходится. Значит, настало время оценки наших решений. Поиск лучших практик и тиражирование лучших практик.

Меня постоянно спрашивают, вот есть ли что-то такое, что обязательно нужно сообщить регулятору, что точно надо сделать. Я даже затрудняюсь с ответом, потому что хочется сказать: «Давайте примем решения по тарифам», — но я тут же осекаюсь. Есть примеры удачных практик в существующих тарифных решениях. Может быть, просто нужно быть намного более инициативными, более практичными. Нужно проанализировать ситуацию, выяснить, где и почему у нас что-то пробуксовывает, нужно выстраивать и пропагандировать показательные тиражные решения для малого и среднего бизнеса на уровне муниципального округа. Бытовая экология — это бизнес, это деньги, это заработок, это рабочие места. Главное в подобных проектах — выстроенная система управления рисками. Тогда можно работать достаточно комфортно. Вот что я хотел сказать. Спасибо.

А. Любимов:

Большое спасибо. У нас, коллеги, еще два доклада, и мы хотим вписаться в наш хронометраж. Готовьте ваши вопросы. А сейчас я предоставляю слово

Алексею Полещуку, он представляет ФГБУ «Российское энергетическое агентство». Пожалуйста.

А. Полещук:

Спасибо, доброе утро.

Очень хороший тон задан по поводу практической помощи зеленому росту. Энергоэффективность — так считает весь мир — это один из основных катализаторов зеленого роста. Во-первых, топливно-энергетический комплекс — это один из основных секторов, который оказывает негативное воздействие на экологию. Во-вторых, энергоэффективность — это культура потребления. Все проекты по энергоэффективности имеют и экологический показатель эффективности. Во многих странах эти две вещи давно объединены, и даже механизмы их государственной поддержки имеют синхронные подходы.

Расскажу в двух словах о подходе к зеленому росту через энергетику. Первая тенденция — это непосредственно энергоэффективность. Она проявляется и у нас, и в развитых странах. Впервые за новейшую историю среднестатистическое потребление в Европе и США стабилизировалось. К 2035 году, по прогнозам Международного энергетического агентства, в развитых странах потребление вырастет при всем развитии экономики буквально на 1-2%. Но за счет стран, которые развиваются, этот рост будет гораздо серьезнее. Энергоэффективность является прямым экономическим стимулом. Мы можем говорить об экологической сознательности, у нас большая территория, у нас ментальность, у нас нет серьезных штрафов, у нас нет привычки, но повышение энергоэффективности дает реальную экономическую выгоду как потребителю, так и компаниям, генерирующим, вырабатывающим, передающим энергию, продающим ее. Этот параметр может являться прямым стимулом.

Вторая тенденция — это развитие возобновляемых источников энергии, где Россия, к сожалению, является аутсайдером. Давайте посмотрим на Европейский союз. У них уже сегодня 10% выработки — это возобновляемые

источники энергии, и к 2020 году будет 20%. В США 7% и 14% соответственно. Китай к 2035 году будет доводить долю возобновляемых источников энергии до 15%. В России мы сегодня имеем максимум 0,1%, исключая крупные ГЭС. По динамике мы тоже очень серьезно отстаем. Возобновляемая энергетика — это не просто экологичность, это еще и огромный мультипликатор в части развития экономики, потому что это новые рынки, новые рабочие места, новое оборудование, модернизация и прочее.

Третья тенденция — это переработка отходов, биоотходов, твердых бытовых отходов с целью выработки энергии. Во всех развитых странах существуют программы, согласно которым к 2020-2030 годам захоронения твердых бытовых отходов сводятся к нулю. У нас, к сожалению, такие программы отсутствуют, у нас в этом плане огромные регуляторные проблемы, у нас абсолютно отсутствуют стимулы переработки бытовых отходов. Так что здесь мы тоже не впереди.

И четвертое направление — это использование локальных ресурсов. Всем знаком пример роста выработки сланцевого газа в США, все пытаются вырабатывать энергию, учитывая логистическую составляющую, то есть, из того, что рядом. Это торф, это солнце, это ветер и все прочее. Все эти тренды имеют в развитых странах огромную государственную поддержку, потому что они дают сразу несколько эффектов. Кроме «зеленого эффекта», это, как я уже сказал, развитие промышленности, это конкурентоспособность, это просто повышение сознательности и комфортности жизни, к чему, в конечном счете, и мы должны прийти.

Теперь в двух словах о барьерах и, может быть, о тех предложениях, которые могут прозвучать от нас. Мы проходили все эти этапы по энергоэффективности. Несмотря на прямой экономический стимул, наша ментальность, наш подход... Менеджмент этой отрасли в нашей стране еще три года назад был буквально на нулевом уровне. Даже если объяснить, что, проведя какие-то мероприятия и вложив рубль, вы получите через три года два — это не работало. Следовательно, нужно менять сознательность. Если

мы объединим те моменты, о которых говорил Всеволод Гаврилов — модернизацию, энергоэффективность, какие-то штрафы, контроль и все остальное — это даст экономический эффект, над этим нужно работать. Но это не просто декларация, синхронизация целей, это должны быть синхронизация методологий, мониторинга, влияния и организации какого-то совместного менеджмента. В регионах и муниципалитетах у нас даже нет менеджера по энергоэффективности. Бюджетная сфера тратит миллиарды рублей, и нет выделенного человека, который отвечал бы за оптимизацию этих расходов. Что уж говорить об экологии и каком-то экологическом менеджменте. Но тот базис по энергоэффективности, который сегодня создается, — это, на наш, взгляд лучшая площадка для развития экологической сознательности и управления экологией. Вот такую идею я хотел выдвинуть на обсуждение. Спасибо.

А. Любимов:

Да, любопытно. Спасибо.

Коллеги, мы завершаем наши доклады. Пожалуйста, Елена Лазько, компания Deloitte and Touche Regional Consulting Services.

Е. Лазько:

Во-первых, большое спасибо за то, что пришли на нашу сессию. Спасибо всем докладчикам.

Я буду говорить про зеленые деньги, и мне на самом деле странно, что никто не упомянул, что у нас на самом деле все не так уж плохо с экологией. У нас утверждена экологическая политика до 2030 года — Евгений разрабатывал ее. Она, прямо скажем, не очень внятная, но шаг сделан. У нас премьер не сюда приехал, а в Рио, и зеленая экономика обсуждалась там достаточно серьезно. Вопрос в том, что зеленая экономика невозможна без зеленых денег. Деньги, в принципе, у нас на нее тратятся. Последние пять лет средний годовой прирост инвестиций в экологию — 5,5%. Это первое. Второе: в 2011 году в России

только на экологические проекты было потрачено 2,9 миллиарда долларов США. Но, тем не менее, по миру только на возобновляемые источники потрачено 243 миллиарда долларов США, это совершенно другой порядок. Тот же Китай только в 2011 году потратил 54 миллиарда долларов. Как у нас деньги тратятся? Понятно, что есть деньги компаний, но государственные деньги тратятся двумя способами — через фонды и федеральные целевые программы.

Начнем с фондов. Нет у нас чисто экологического фонда, и экологический фонд, так же как и дорожный, у нас не ассоциируется с приличными вещами: все сразу думают о коррупции и о том, как он будет управляться. Федеральная целевая программа — в принципе, вещь неплохая, но она хорошо работает для ликвидации накопленного экологического ущерба и каких-то ограниченных, не очень гибких программ. По миру, в принципе, государственные деньги также тратятся двумя способами. Это тоже фонды — Центральная и Восточная Европа тратят через фонды — и банки. В Великобритании банк, в Корее банк, в Норвегии тоже банк. Чем банк лучше фонда? Во-первых, он может предоставить специфические продукты. Банк может выпускать зеленые бонды, зеленые облигации и много других полезных вещей для привлечения частных денег. У банка больше возможностей по разным инструментам софинансирования: там доленое участие, софинансирование в прямом виде и так далее. В-третьих, у банка есть возможность оказывать экспертную и консалтинговую поддержку. Алексей говорил о том, что у нас большая проблема со специалистами. У нас есть хорошие финансисты и у нас есть хорошие экологи, но у нас нет людей, которые могут управлять крупными проектами, соединяющими финансы, экологию и государственное регулирование, нет специалистов, которые понимают, что там происходит, и умеют привлекать деньги. Потому что если у кого-то спросить, что такое зеленые технологии, то внятного ответа мы не получим. Наверное, только присутствующие смогут хотя бы поддержать разговор на эту тему, но для инвесторов это — непонятная, запутанная

история с большим сроком окупаемости, с большими изменениями по ходу проекта. Эти специалисты, работающие в банках, могут снижать риски и повышать доходность.

Есть еще две вещи, связанные с банком. Мы считаем, что банк — это лучшая модель для Российской Федерации. Во-первых, у нас государственные банки достаточно эффективны, и при этом не сильно зависимы от государства. Во-вторых, банки — это намного более жесткий контроль средств, просто потому, что так в них устроены основные процессы. Компания Deloitte, помогала Министерству энергетики Великобритании в вопросах энергетики, изменения климата, по построению зеленого банка — с самого начала. Изначально предполагалось, что банк будет функционировать как филиал Royal Bank of Scotland, но в итоге было принято решение создать новый банк. Около года продолжался инкубационный период, и 17 мая банк вошел в первую фазу, начал жить. Собственно, для начала были выбраны проекты с высокой доходностью, чтобы просто показать его эффективность как механизма. Энергоэффективность, которая сразу дает эффект, возобновляемые источники и управление отходами — все это тоже достаточно очевидно. Соответственно, до 2015 года будут тратиться только государственные деньги, с 2015 года банк будет привлекать частные деньги. Просто для понимания цифр: сейчас стартовало два проекта на 80 миллионов фунтов, до конца года в банке будет 3 миллиарда фунтов. То есть это банк, входящий в пятерку по российским меркам.

Еще раз повторю: деньгами надо управлять, и мы считаем, что банк — это самый эффективный инструмент. Спасибо.

А. Любимов:

Большое спасибо. Мы довольно остро все обсудили, и я так понимаю, что с помощью банков, по крайней мере, будут не просто мусор вывозить, но, может быть, даже утилизировать. Точки зрения пока разные.

А. Резниченко:

Добрый день, агентство «РИА Новости», Андрей Резниченко.

У меня вопрос к Алексею Полещуку и Евгению Шварцу. Известно, что возобновляемые источники энергии развиваются в Европе только благодаря зеленым тарифам. Какова перспектива появления в России зеленых тарифов, о которых так много говорили, но о которых ничего не слышно в последние годы? Спасибо.

А. Полещук:

Я могу ответить. Это лишь мое видение, потому что ни РЭА, ни Министерство энергетики не являются регуляторами. Тем не менее — о тенденциях.

Очень хороший пример привел Василий Белов — о сознательности и о том, что зеленый тариф есть и для потребителя, и для энергетиков. Вот если у нас предложат доплачивать 10 копеек за экологически чистую энергию — уверен, никто это не сделает по одной простой причине: система регулирования и регулируемых организаций абсолютно непрозрачная, и никто не поверит в то, что эти деньги реально пойдут на дело. Такая ситуация была с тарифами в Белгороде. Мы пытались типизировать этот кейс и скорректировать коррупционнoемкие нормативно-правовые акты — по техническому присоединению, по всему остальному. На одну хорошую идею сразу же возникают 10 «практических» приложений, как это «с толком» использовать, как урвать деньги на зеленом техприсоединении, буквально на всем. Такая у нас, к сожалению, культура энергетики и энергетического менеджмента в целом. Это является сильным ограничением. Но естественно, мы не стоим на месте. Министерство энергетики и Федеральная служба по тарифам системно обсуждают вопрос о зеленых тарифах. Разработана госпрограмма энергоэффективности, должна расширяться программа развития энергетики, и там отдельный блок — это возобновляемые источники энергии: методические основы, нормативные основы и инструменты государственной поддержки. Государственное регулирование движется в этом направлении. Несмотря на

скепсис, который прозвучал в вопросе, я думаю, что через пару лет у нас такие инструменты появятся.

Е. Шварц:

Добавлю, что еще в последний год существования РАО ЕЭС мы вместе с агентством «Ромир» провели исследование, показавшее, что более 47% российских потребителей готовы доплачивать. Но поскольку до сих пор не решена проблема возможности подключения к централизованным сетям, то мы пока этот вопрос не поднимаем, но рассчитываем работать с Российским энергетическим агентством в этом направлении.

В. Белов:

Коллеги, вопрос очень правильный. Безусловно, проекты зеленой энергетики это один из приоритетов работы нашего кластера как института развития. Одной из наших задач является стимулирование появления новых проектов, мы должны, по логике вещей, двумя руками поддерживать максимально быстрое введение таких тарифов. Но давайте посмотрим на это не только с точки зрения экологии, но с точки зрения того, кто за это будет платить и куда будут направлены эти средства. Россия не является на сегодня страной, которая производит большое количество часть оборудования, направленного на производство экологичной энергии. Соответственно, если мы на системном уровне будем вводить тариф для генератора или для потребителя, то фактически (а в зеленой энергетике у нас основная составляющая тарифа это инвестиционная) мы заплатим за импортное оборудование. Понимая, что эти технологии находятся на этапе развития, мы фактически оплатим зарубежный R&D, что позволит тем, кто производит это оборудование за рубежом, сделать еще один шаг вперед. Оплатим мы это из кармана потребителя. Я совершенно не против зеленого тарифа. Но его надо принимать очень аккуратно, взвешивать результаты по всей цепочке добавленной стоимости, и думать, куда эти деньги пойдут дальше.

Задача и РОСНАНО, и РВК, нашего фонда — поддержать индивидуальные проекты, направленные на производство соответствующего оборудования. В мандатах всех трех институтов развития обозначена тематика энергоэффективности и зеленых технологий. Когда у нас будет производственная база, способная обеспечить спрос со стороны отрасли, к которому по логике должны привести зеленые тарифы, это будет выгодное для нас и сбалансированное решение. Пока этого спроса нет, мы будем субсидировать крупные западные компании, которые производят ветряки и солнечные батареи.

Е. Шварц:

Я бы возразил Василию или, по крайней мере, задал бы ему вопрос.

У нас есть целый ряд отраслей современного уровня, в том числе и спутниковая отрасль, но при этом вся борьба с лесными пожарами идет на базе данных с двух американских спутников. Мы закупили соответствующий модуль у Беларуси. Китай входит в число лидеров по производству тех же солнечных батарей и альтернативной энергетики, не будучи разработчиком. Здесь вопрос о том, что впереди — яйцо или курица. Если мы говорим, что у нас сейчас нет этого оборудования, то нужно создавать стимул его производить. Сначала мы должны его стимулировать, чтобы это оборудование появилось в стране. А дальше уже путем регулирования рынка сделать так, чтобы производство наладилось у нас.

В. Белов:

Мне кажется, у нас с Вами противоречий нет: я говорил о том, что важно, чтобы вся цепочка стоимости создания этого оборудования оставалась здесь.

А. Малышевский:

Я сделаю буквально одно замечание.

Я не знаю, где те предприятия, которые готовы дополнительно что-нибудь заплатить в качестве того или иного тарифа, даже если назвать его зеленым. При действующей тарифной политике стимулирующих начал в экономике вообще не существует. Этот вопрос был рассмотрен на президиуме государственного совета еще два года назад. Появились соответствующие 5 пункты распоряжения премьера. Четырнадцатый по ТБО, пятнадцатый — по накопленному экологическому ущербу. Как только дело дошло до бюджетного классификатора, где растворяются все средства по экологическим платежам, премьер отменил оба пункта за невозможностью их реализовать в современных экономических условиях. Это целый комплекс вопросов, потому что бюджетная политика строится таким образом, что все платежи растворяются, в бюджете нет ни одной экологической строчки. Единственное, что можно было бы использовать как деньги прямого воздействия, это средства, полученные в результате заключения мирового соглашения. Все остальное растворяется тремя составными частями через местный, региональный и федеральный бюджеты и никогда не возвращается в экологическую составляющую.

Проблема очень серьезная, и ее нельзя рассматривать отдельно от других. При внедрении новых технологий сбережения и выработки энергии у нас в стране сразу поднимают голову монополии. Не было ни одного случая, чтобы построенный перерабатывающий завод допустили к электросетям и к тепловым сетям. Ни одну передовую технологию в Российской Федерации еще не пустили туда, где действуют коррупционные схемы.

М. Зайцева:

Доброе утро. РБК ТВ.

Складывается ощущение, что этот круглый стол в рамках Петербургского форума как раз характеризует отношение к экологии в нашей стране. Если он и состоялся, то в субботу, в 10 утра, максимально незаметно. Где, кстати, представители министерств? Как вы считаете, на каком уровне необходимо

менять это отношение? На уровне руководства страны, на уровне бизнеса, объясняя, что экология это экономика, или на уровне обывателей, чтобы не выбрасывали бутылки из машин? Вопрос всем, кто посчитает нужным ответить.

А. Малышевский:

Я думаю, что решить эту проблему на каком-то одном социальном срезе невозможно. Прежде всего, это должно интересовать государство, потому что иначе провозглашенная политика экологического стимулирования роста экономики будет невозможна. Но она упирается в несколько важных вещей: прежде всего, признаемся в этом, мы провели административную реформу, которая была абсолютно неэффективна. Мы связали контролирующие органы с отраслевыми министерствами, и тем самым лишь ухудшили ситуацию. Должна была произойти Саяно-Шушенская катастрофа, чтобы Технадзор (Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору) перешел в ранг органа прямого подчинения Правительства Российской Федерации. Надо обладать уникальными способностями Геннадия Онищенко для того, чтобы перевести его из структуры Министерства здравоохранения и социального развития в ведение Правительства Российской Федерации. Что должно произойти в России, чтобы Росприроднадзор ушел из структуры Минприроды, потому что не может контролирующий орган выполнять поручения ведомственного характера? Он должен заниматься, как государево око, контролем того, что непосредственно происходит в окружающей среде и непосредственно защищать ее.

Второй существенный момент — это бизнес. Бесспорно, он заинтересован. Как только мы входим в ВТО, экологическая составляющая возрастает до 10%, и мы должны в товарной массе показывать эту составляющую. Бизнес готов на это реагировать, и вкладываться в экологию, в зеленую промышленность, во что угодно. Но у него должны быть соответствующие экономические стимулы. Единственный метод, с которым соглашается сегодня

бизнес, это так называемая корректировка платежей за негативное воздействие. То есть я вкладываюсь в экологическую составляющую, но эта сумма должна быть мне возвращена. Эта норма сегодня абсолютно не определена, и никто в стране не имеет права проводить коррекцию. Мы занимались этим вопросом, потому что при существующей бюджетной политике нельзя вернуть предприятию средства, потраченные на экологию. В частности, «Норильский никель» за прошлый квартал по решению Красноярского края скорректировал полтора миллиарда, и сейчас этим занимается генеральная прокуратура, потому что это незаконные действия. Мы должны прийти к экономическим методам стимулирования бизнеса, и он на это отзовется.

Третий существенный момент — это технологии. Все передовые технологии, внедряющиеся в субъекты Российской Федерации, особенно передача им государственных полномочий, имеют ту или иную коррупционную составляющую, потому что возникает проблема выбора. Нам ввозят технологии двадцатилетней давности, выдавая их за современные. Нам внедряют технологии, для которых нужна отсутствующая у нас база. В июле пройдет заседание Межведомственной комиссии Совета безопасности по передовым технологиям. И Государственной экологической экспертизе, и субъектам Российской Федерации нужно показать, какие реально существующие технологии которые можно внедрять в России. В противном случае проблему коррупционной составляющей мы не решим.

Здесь есть еще один очень важный момент: антимонопольная политика. Можно осуществлять те или иные действия, но за ними должна стоять антимонопольная комиссия, потому что всякий раз, локализуя процесс, мы еще больше усиливаем коррупционную составляющую. Спор по поводу того, организовывать ли переработку отходов или новые полигоны — это спор коррупционный, потому что в одном при современной тарифной политике нет экономической составляющей, а в другом есть колоссальная коррупционная

составляющая, в которой задействованы различные отрасли государственной власти, потому что там практически ничего нельзя проконтролировать.

Это касается всего, что имеет отношение к экологической политике. Нельзя провозгласить один тезис и подменить его совершенно другим. У нас принята концепция экологической политики, которая не соответствует заявленным позициям экономического стимулирования. Прежде всего надо было разобраться в правоприменении. Нельзя принимать любое изменение законодательной базы, если в нем нет правоприменения. Если отраслевое законодательство в России не выполняется на 90%, то это не потому, что все плохие люди, а потому что в нем нет современных право-экономических и социальных подходов. Так что же мы, в конечном счете, стимулируем? Нужен другой подход. Иначе мы опять получим очередной отраслевой состав правительства. Не с точки зрения направлений, в которых надо решать проблемы, а отраслевой по происхождению. Любая отрасль будет искать способ выживания, будет показывать, что она необходима, что она во всех отношениях замечательно функционирует.

Е. Шварц:

Я бы, наверное, немного поспорил, или, по крайней мере, немного вас удивил. Я бы сказал, что на уровне руководства страны, по крайней мере, по количественным показателям отношение изменилось. Количество поручений в области экологизации экономического развития страны за последние три года выросло. Такого не было последние 8 лет.

Возникает вопрос, почему не происходит перелом? На мой взгляд, перелом зависит от граждан, от среднего класса. Поскольку, как только формируется конечный потребитель, он своего добьется. И именно поэтому я говорил о том, что субъекты федерации должны иметь возможность устанавливать более высокие стандарты и решать эти проблемы. Нельзя травить москвичей выхлопами Евро-2 под предлогом социальной защиты сельских жителей Пензенской области.

Второй момент. Хотелось бы видеть и другой бизнес. Вчера Эльвира Набиуллина говорила: «Хорошо, что у нас есть комиссия по оценке регулирующего воздействия!» А РСПП ее откровенно использует как отмычку, чтобы тормозить любые разумные шаги Минприроды. Да, то, что предлагает Минприроды — не всегда совершенно, но решается это элементарно. Если вам не нравится, что говорит чиновник Минприроды о лучших из доступных технологий, передайте это в Министерство промышленности и торговли, передайте в технологическую платформу Министерства экономического развития, сделайте процесс открытым. Главная моя претензия к бизнесу такова: прикрываясь критикой — дескать, ничего не делается, политика нас не устраивает — бизнес во главе с «Норильским никелем» добивается, чтобы пять лет вся информация о воздействии на окружающую среду была закрыта, потому что иначе у них рухнет капитализация. Так называемое время на согласованные лимиты было введено 19 лет назад. Скажите, какая технология имеет более долгий цикл? Почему 19 лет было проще платить взятки? РСПП любит ссылаться на Китай. Действует ли Орхусская конвенция в Китае? Нет, но у них есть своя национальная конвенция. В Китае существуют совместные решения финансового регулятора и Investment Protection Management о так называемой зеленой кредитной политике. В результате, если у тебя есть нарушения в природоохранном законодательстве, то государственные банки обязаны повышать тебе кредитную ставку. После неоднократных повышений кредитная ставка становится запретительной. Когда бизнес поймет, что проще что-то делать, чем платить взятки Ростехнадзору, может быть, что-то сдвинется с мертвой точки. Одной из наших главных целей должно все-таки стать формирование рекомендаций по зеленому кредитованию для государственных банков, по крайней мере, соответствующее распоряжение должно быть передано в Центробанк.

А. Малышевский:

Одно замечание по «Норильскому никелю»: под воздействием премьера они подписали соглашение с Росприроднадзором. Все цифры до 2013 года вывешены на сайте Росприроднадзора, их можно проверить. Это очень важный момент.

Е. Шварц:

Я полностью согласен, только там не сказано, когда эти цифры достигнут требуемого уровня. Я каждые три месяца специально на этот сайт захожу. Там сказано, на сколько процентов цифры улучшатся через год. Но там не сказано, когда будут достигнуты требуемые законом показатели, вот это главная претензия.

Что касается лоббирования... Я как сопредседатель комиссии Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, который писал основы госполитики, в своей жизни не видел более разнузданного лоббирования возможности использовать так называемую ассимиляционную возможность ландшафтов России как конкурентное преимущество. Я в жизни не видел и таких откровенных попыток давления на сотрудников Минприроды, и такого некорректного использования Минэкономики (вот им спасибо, что они проявили высокую степень ответственности и твердости).

А. Любимов:

Спасибо. Видимо, на Минприроды хватило, а вот на суды «Норильскому никелю» точно не хватило, судя по последним новостям. Коллеги, у вас еще две-три реплики, и у меня просьба ко всем участникам нашей панели — отвечать кратко.

Из зала:

Программа развития ООН. Я бы хотела озвучить несколько тезисов и ответить на последний вопрос. Мы сейчас много говорили о разных элементах, составляющих экологическую политику. Действительно, экологическая

политика должна быть сильной, а самое главное, нужен институт, который может ее реализовывать. Нельзя продолжать маргинализировать экологическую политику как нечто пристроенное к экономике и мешающее ее развитию. Необходимо включить приоритет устойчивого развития в государственную политику в целом для того, чтобы маргинализация прекратилась. Для этого нужно работать не только с правительством, но и с обществом. Я согласна с Евгением, что нужно развенчать этот ложный конфликт между экономическим развитием и устойчивым экологическим развитием, потому что иначе у нас сформируется общество потребления. Мы видим очень простые примеры европейского рынка. За спросом, за потреблением подтягиваются и технологии, и бизнес, и профессиональные кадры. Это должен быть совместный процесс. Кроме того, нельзя отрицать специфику и большое разнообразие ситуаций в российских регионах. Мы не сможем прямо заимствовать какие-то стандарты, политику или технологии из любой страны. Необходимо подтягивать к проблеме профессиональные кадры.

За последние 20 лет в разных регионах было протестировано много хороших экологических и экономических инструментов. Часто жемчужины этого опыта растворяется в общем океане. Мы уже 15 лет реализуем, программы по энергоэффективности в различных российских регионах, и знаем, что есть инструменты, которые работают устойчиво, а есть такие, которые не работают. Анализировать неуспешный в России опыт в российском контексте, может быть, даже более интересно, потому что это выявляет конкретные барьеры, которые надо преодолевать. Мы готовы продолжать этим заниматься. Мы сейчас запускаем еще одну новую долгосрочную программу с Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации, в том числе и по экологизации энергодобывающих секторов. Необходимо работать со спросом, создавать прямые стимулы для бизнеса.

А. Любимов:

Спасибо большое за Вашу реплику. Прошу Вас.

О. Шуткин:

Буду краток: я хотел бы вернуться к теме зеленого тарифа. Меня зовут Олег Шуткин, совместное предприятие «Ренова-РОСНАНО», одновременно я представляю ассоциацию предприятий солнечной энергетики России.

По этой теме мы уже констатируем переход количества в качество. Уже начали формироваться бизнес-сообщества, в частности, наша Ассоциация предприятий солнечной энергетики России, есть Российская ассоциация предприятий ветроиндустрии. Мы уже начали готовить конструктивные предложения, как выйти из этой ситуации, писали письма, обращения на имя премьера, в Министерство энергетики. Они сейчас рассматриваются, а в рамках Министерства энергетики ведутся достаточно продуктивные дискуссии. В июне мы организовали выезд представителей министерства с участием заместителя министра Сентюрин на крупнейшую выставку по солнечной энергетике.

Продвижение по этой теме есть. Я бы хотел дополнить комментарии Алексея Полещука и Василия Белова: что главный эффект поддержки возобновляемой энергетики — это все-таки стимулирование отечественного производителя. И макроэкономический эффект, которого мы можем достигнуть с учетом поддержки. Сейчас уже не 2000 год, когда эти технологии только начинались, и уже есть такие глобальные игроки, которые сразу заполнят любой рынок, который им откроется. Есть успешные примеры такой поддержки — я имею в виду защитную поддержку по отношению к локальным производителям, которые приводят к хорошему экономическому эффекту. Такие примеры показывает и Канада, и та же Италия, которая дает к тарифу пятипроцентную премию, если солнечные модули произведены в Италии. Необходимо это учитывать в рамках разработки государственной политики, и хотелось бы объединить в этом всех участников. Если есть дополнительные комментарии, я бы хотел их обсудить.

А. Любимов:

Я думаю, последняя реплика, и вы обсудите.

Из зала:

Уважаемые коллеги, я представляю Красноярск, «Независимое информационное агентство». Я хотел бы несколько приземлить нашу академическую беседу, спустить ее на землю. Расскажу об одной ситуации и попрошу совета, что в ней делать. «Норильский никель» уже упоминался, но в Красноярске есть еще «РУСАЛ», который тоже не очищает воздух. В данный момент в Красноярске начинается строительство нового ферросплавного завода. Последствия для экологии очевидны. Что происходит, как могла сложиться такая ситуация?

В миллионном городе Красноярске собрано 250 000 подписей — это немало. Губернатор откровенно высказался категорически против. Законодательное собрание края приняло резолюцию, запрещающую строительство. Занимается строительством компания «ЧЕК-СУ», за нею стоят влиятельные силы — «РЖД» и несколько других структур. Закуплено оборудование на 5,5 миллиардов, сам контракт был благословлен Путиным в Китае. Вчера прошли публичные слушания. В 11 часов вечера они закончились, резолюцию против завода ферросплавов поддержали 93% пришедших на слушания. Несмотря на все это, завод строится, причем строится, не нарушая ни одного законодательного акта, ни одного нормативного акта. Получается, жизнь населения в регионе происходит в мире, параллельном экономике того же региона, поскольку она выведена на другой уровень. Вот вам ситуация. Какие зеленые тарифы? Какая экологическая грамотность бизнеса? И что вообще может сделать население в этом вопросе? Спасибо.

А. Малышевский:

Здесь есть определенная законодательная возможность, которой надо воспользоваться. Материалы слушаний, пожалуйста, пришлите в наш общественный совет, потому что есть правовая норма проведения общественной экспертизы для того, чтобы мы это учли при соответствующей государственной экологической экспертизе и Главгосэкспертизе. Тогда мы действительно здесь поможем.

Е. Шварц:

К сожалению, это не единственный случай: то же самое сейчас происходит в Воронеже. К сожалению (и вчера это было хорошо видно в обсуждениях), в 2006 году были ликвидированы законодательные возможности защиты природоохранных интересов. Нет государственной экологической экспертизы, она теперь не требуется. В случае Красноярска приведу пример: Богучанская ГЭС проводит себе завоз, при этом в число тех субъектов, чьи интересы не защищены, входит крупнейшая корпорация, где 10% американских акций. У них под воду уходит лес, сырьевая база. Это даже не жители прибрежных поселков, но и они не могут защититься. Поэтому мы никуда не уйдем без установления механизма согласования и защиты интересов, так, как это делается во всем мире. Иначе мы так и будем бесконечно пытаться решить задачу наполняемости бюджета, который потом тратится на решение тех же проблем.

А. Любимов:

Спасибо большое.

Отвечая на скепсис со стороны зала по поводу того, что экология маргинализирована, поскольку мы встречаемся в субботу в 10 утра, я хочу отметить, что качество докладов было очень высоким. Я благодарен всем участникам нашей панели. Мы смогли глубоко обсудить эту совсем не маргинальную тему. Я, как не специалист, могу только сказать, что экологическим проблемам свойственны те же черты заболевания, которые

есть в других сферах. Я бы это назвал «русская модель управления», когда у одних есть полномочия, а у других ресурсы. У тех, у кого есть ресурсы, нет полномочий, и наоборот, у тех, у кого есть полномочия, нет ресурсов. Спасибо. Вот Евгений хочет завершить обсуждение.

Е. Шварц:

Я не хочу завершить, я хочу сказать, что сейчас к нам присоединился Владимир Александрович Грачев, который только что прилетел из Рио-де-Жанейро и который два срока возглавлял профильный комитет в Государственной думе. Может быть, Владимир Александрович скажет нам пару слов?

В. Грачев:

Спасибо. Уважаемые коллеги, я действительно только сегодня ночью прилетел из Рио-де-Жанейро. Там состоялась встреча глав государств и правительств, которая проходит раз в 10 лет, «Рио плюс 20». Колоссальное мероприятие. Я как представитель неправительственной организации, приглашенный персонально ООН, представлял международную экологическую организацию. Мы собирались на многих мероприятиях, и очень серьезно обсуждали ту итоговую декларацию. Проект состоял из 283 пунктов. Что там сегодня будет принято, трудно сказать, но, видимо, какая-то корректировка будет. Неправительственные организации серьезно озаботились (и я вижу, что сегодня по настроениям здесь это тоже заметно) тем что, констатировалось отсутствие положительных сдвигов устойчивого развития. Практически все пункты проекта декларации «Рио плюс 20» начинаются со слова «признавая»: «признавая...», «признавая...», «признавая...». В 283 пунктах руководители правительств признались практически во всем. А что делать? Было несколько кардинальных предложений от NGO, от неправительственных организаций. Например, перестать субсидировать добычу ископаемого топлива, превратить программу

в действительно мощный действенный инструмент, а не нищенскую «подайте Христа ради». Были и другие предложения, например, от «Группы 77 плюс Китай», достаточно мощные предложения, но они все не прошли. Они обсуждались, и большинство так называемых главных групп, major group, выразили некоторое недовольство. Руководитель нашей major group собрал 1000 подписей. Надо сказать, что это огромное мероприятие — тысяч двадцать участников, не меньше. Он выступил с речью в первый же день, 20 июня, когда выступали руководители девяти главнейших групп. Это группа неправительственных организаций, группа женщин, группа фермеров, группа по питанию, молодежная группа и так далее. И большинство высказывали какие-то замечания, чтобы направленность итогового документа была более конструктивной, вот это главный итог.

Я много раз принимал участие в различных мероприятиях. Этот форум был полезен тем, что в его рамках было проведено около 500 параллельных мероприятий. Вот таких мероприятий, как это, по зеленой экономике, по Фукусиме было очень много. Я выступал на некоторых из них. Были затронуты самые разные темы и направления. Причем некоторые из форумов были очень значительными. Например, форум по чистоте океана состоялся в пленарном зале, там было несколько тысяч участников. По некоторым вопросам дело было поставлено очень серьезно, а некоторые встречи были вот такого плана, как сегодня, но это тоже очень и очень полезно. Сейчас все это будет проанализировано, я все зафиксировал. Есть планы издать книгу «Рио плюс 20». Две международные организации — аккредитованный при ООН Фонд Вернадского, президентом которого я стал, и международная экологическая общественная организация Greenlight издадут книгу, где все это будет проанализировано и будет приведен итоговый документ. Мероприятие, бесспорно, было полезное, но некоторая неудовлетворенность все же осталась.

А. Любимов:

Да, как одна светская дива говорит: «Как страшно жить!» Коллеги, огромное спасибо. У нас была замечательная дискуссия, спасибо за ваше внимание, за реплики, ну и конечно, отдельная благодарность всем выступающим. Спасибо.